

Б. А. Азнабаев
**ФОРМИРОВАНИЕ РОДОПЛЕМЕННОЙ СТРУКТУРЫ «КОЛМАК»
 В БАШКИРСКОМ ЭТНОСЕ***

УДК 397

ББК 63.529 (235.55)

Оживление интереса к социальной структуре кочевников Евразии обусловлено распространением на номунологию дискурсивного подхода М. Фуко. В наиболее явной форме попытка деконструировать систему прежних научных представлений предпринята в исследовании «Безголовое государство» Д. Снита. Он считает, что для понимания кочевых социумов необходимо вернуться к дискурсу феодального общества, под которым он понимает любой иерархизированный социум. В данной статье подвергнут сомнению тезис Д. Снита, согласно которому иерархия была присуща всем кочевым этносам Евразии. Так, башкирское общество XVII — начала XVIII вв. отличалось эгалитарностью социальных отношений. Наиболее очевидно это выразилось в характере интеграции в башкирский этнос представителей других народов. Вопреки устоявшемуся в историографии представлению о том, что инкорпорация инородцев осуществлялась только посредством адопции, в статье утверждается, что выходцы из других этносов могли создавать отдельные родовые подразделения. Одним из самых крупных таких образований является башкирское племя «колмак». Культурное и политическое сближение башкир и калмыков отчасти было обусловлено длительным, почти вековым военным противостоянием, в ходе которого выработался комплекс общих правил ведения войны. История инкорпорации аюкинских калмыков в этническую структуру башкирского народа соответствует формуле «патронат — клиентела». Однако, в отличие от отношений классического патроната, интегрированная часть калмыков заняла равное с башкирами правовое положение.

Ключевые слова: башкиры XVII — начала XVIII вв., калмыки, родовая структура, социальная иерархия, кочевой феодализм, патронат

Возврат к дискурсу «кочевого феодализма». В 2007 г. Д. Снит опубликовал провокативную по своей сути книгу, «реанимировавшую» давнюю дискуссию об общественном строе кочевых и полукочевых народов Евразии.¹ Влияние М. Фуко на методологию исследования кочевников неизбежно должно было вызвать сомнения в целесообразности использования привычного категориального аппарата. Американский антрополог поспешил провозгласить, что такие базовые понятия, как «род» и «племя», являются языковыми кодами и схемами восприятия, необходимыми для оправдания колониального подчинения

кочевников. Критика отдельных положений книги Д. Снита заслуживает особого аналитического разбора. Отметим лишь наиболее убедительные контрдоводы Н. Н. Крадина, Т. Д. Скрынниковой² и А. М. Хазанова. Мы же рассмотрим лишь одно утверждение Д. Снита, касающееся проблемы иерархичности кочевых обществ. Исследователь полагает, что для понимания кочевых социумов необходимо вернуться к дискурсу феодального общества.³ Вместе с тем он трактует феодализм своеобразно, утверждая, что любое иерархическое общество можно охарактеризовать как феодальное.

Мы полагаем, что антиколониальный пафос исследования Д. Снита не дает ему достаточного основания для экстраполяции его представления об иерархии на все кочевые и полукочевые социумы. К примеру, в XVII–XVIII вв. юго-восточной окраине Российского государства обитали четыре кочевых и полукочевых народа — башкиры, калмыки, ногаи

¹ См.: Sneath D. The Headless State, Aristocratic Orders, Kinship Society and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. New York, 2009.

Азнабаев Булат Ахмерович — д.и.н., в.н.с., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН (г. Уфа)
 E-mail: azbulatt@rambler.ru

* Исследование выполнено за счет гранта РГНФ (проект № 15-01-00123) «Государство в традиционном сознании народов юго-востока России XVI–XIX вв.» (рук. Б. А. Азнабаев)

² См.: Kradin N. N., Skrynnikova T. D. «Stateless head». Notes of revisionism in the studies of Nomadic Societies // Ab imperio. 2009. № 4. P. 117–128.

³ См.: Sneath D. Op. cit. P. 64, 71, 86.

и казахи. Даже поверхностное изучение этих обществ обнаруживает принципиальное их различие по таким аспектам, как наличие единого лидера, уровень стратификации общества, характер связей между родовыми структурами, масштабы и формы инкорпорации иноплеменников, отношение к российской власти и т. д. Если у калмыков и казахов в качестве властных распорядителей действительно выступали представители белой кости, то у башкир родовые структуры могли возглавляться не только членами общины, но даже пленными инородцами. Судя по письменным и фольклорным источникам, башкирскому обществу вообще не было свойственно деление на белую и черную кость. Наиболее отчетливо эгалитарный характер башкирского общества проявлялся в процессе инкорпорации в этнос представителей других народов.

Проблема существования башкирского сословия XVII–XVIII вв. В ряде публикаций отмечается, что башкиры уже в XVII — первой половине XVIII вв. представляли собой не просто этнос, но сословие, обладавшее вотчинным правом.⁴ По этой причине такой процесс, как этническая инкорпорация, не мог происходить без вмешательства государства. Челябинский исследователь Г. Х. Самигулов настаивает на том, что именно государство в конечном счете определяло, кто является вотчинником, а кто нет. Сословно-правовой характер регулирования этнических процессов внутри башкирского народа служит едва ли не главным фактором этнической истории башкир в исследованиях М. И. Ахметзянова. Согласно его изысканиям, башкиры еще в начале XVI в. стали союзниками и вассалами Москвы. Затем вместе с русскими воеводами они вторглись на земли татар Ногайской Орды, т. е. в Приуралье. Здесь Москва наделяла их землей и другими льготами. Так началось формирование башкир как привилегированного сословия. В XVII–XVIII вв. в его состав записываются также бежавшие на Урал татары из Среднего Поволжья. Одновременно Москва, опасаясь усиления башкир, создает сословия «тарханов», «мишарей», «тептярей», «казанских татар» и настраивает их враждебно по отношению к башкирам. Башкирское сословие не сумело воспользоваться своими привилегиями: оно не занималось хозяйством

и товарным производством, а предпочитало продавать свои земли русским боярам, поэтому беднело.⁵

Вместе с тем сохранившиеся законодательные источники XVII — первой трети XVIII вв. свидетельствуют об отсутствии правовых норм, регулирующих статус башкир отдельно от других «инородцев», подведомственных Приказу Казанского дворца. Так, в указе 1638 г., запрещающих любые формы отчуждения вотчин у нерусского населения Поволжья, предписывалось: «На Уфе городе на посаде и по слободам да в уездах да по дворцовым селам учинить заказ крепкой и по торгам кликать бирючем по многие дни чтоб приказные всякие, и никакие русские служилые или жилецкие и всяких чинов люди и новокрещены и князья и мурзы и татаровья вотяков башкирцов и черемисов и мордвы и их жен и детей и поместных и вотчинных и ясачных и оброчных земель и бортных ухажьев никаких угодий в никакие долгов в закладные записи и в кабалы и в никакие крепости не писали и в заклад себе не имали ни которыми делами».⁶ Почти дословно эта норма вошла в главу XVI Соборного уложения.⁷

Факт существования «башкирского сословия» в XVII — первой половине XVIII вв. ставится под сомнение на том основании, что население территории, подведомственной Приказу Казанского дворца, не было интегрировано в правовое пространство Российского государства. И. П. Ермолаев первым обратил внимание на специфику деятельности Приказа Казанского дворца. Он, в частности, указал на то, что это ведомство приобрело черты учреждения со специальным профилем, связанным с определением общей национальной политики правительства в государстве.⁸ Население, подведомственное Приказу Казанского дворца, находилось в особом правовом поле, не имеющем аналогов в других регионах страны. Поэтому указы, регулирующие права нерусских народов региона, не фиксировались в общероссийских законодательных сборниках. В 1724 г. В. Н. Татищев писал, что «башкиры больше нигде

⁴ См.: Самигулов Г. Х. Аюкинские калмыки: к истории этнической группы // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2015. № 14 (369). История. Вып. 64. С. 51.

⁵ См.: Ахметзянов М. И. Ногайская Орда: историческое наследие татарского народа // Цивилизованные, этнокультурные и политические аспекты единства татарской нации. (Казань, 7–8 июля 2002 г.). Казань, 2002. С. 208–213.

⁶ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 431. Л. 2–7; Д. 433. Л. 2–5.

⁷ См.: Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 188.

⁸ См.: Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII в. (Управление Казанским краем). Казань, 1982. С. 76.

не судимы как в Уфе, для которого повсюгодно съезжаются из разных мест многолюдством».⁹ Сами башкиры в 1741 г. объясняли свое нежелание судиться в других городах тем, что «о содержании башкирцев в Уфе имеются указы особые».¹⁰

При этом собственно башкиры, занимая пограничные территории, являлись наименее интегрированным этносом, подведомственным Приказу Казанского дворца. В XVII в. для всех нерусских народов предусматривалась так называемая «служба с земли». В переписи служилого населения Приказа Казанского дворца 1637 г., опубликованной С. И. Порфирьевым, отмечено: «...в Казани... с земли чуваша и черемисы и вотяков 9 949 дворов. На службу хаживали по прошлым годам с 3 дворов по человеку. В Свияжске — с земли чуваша и черемисы 3 995 дворов, а на службу их хаживало по 1 человеку с 3 дворов».¹¹ Всего же в областях бывшего царства Казанского и Сибири числилось около 15 тысяч представителей различных нерусских народов (татары, ясачные чуваша, мари, мордва), но они посылались на службу лишь в чрезвычайных случаях, когда, как сказано в сметном списке, «бывает всей земле повальная служба», т. е. общая мобилизация. В Уфимском уезде «повальная служба» впервые была объявлена только в 1675 г. в связи с организацией походов в Крым. Однако башкиры отказались от крымской службы, сославшись на то, что ведут войну против калмыков. В отличие от других нерусских народов региона, только у башкир сохранилась организация племенного ополчения, независимая от российской администрации. В XVII — первой трети XVIII вв. охрана южной границы Уфимского уезда (провинции) была прерогативой старшин и тарханов, возглавлявших башкирское войско. В указе 1722 г., который формально восстановил российское подданство башкир, им прямо вменялось в обязанность самостоятельно принимать меры по защите края от внешних угроз: «Когда каракалпаки и киргис-кайсаки в Российские города возымеют намерение приходить для воровства, и они бы того при-

стерегали и проходить в Российские пределы не допускали, и в таких случаях *свойски на них ходили* (выделено нами — Б. А.) и о том за благовременно на Уфу и другие города, куда надлежит к воеводам ведомости подавали».¹² О формировании служилого сословия из башкир можно говорить лишь с 1798 г., когда, согласно указу от 10 апреля, башкирское и мишарское население края было переведено в военно-служилое сословие и обязывалось нести пограничную службу на восточных рубежах России. Вместе с тем рамки этого сословия не совпадали с этнической принадлежностью его представителей. Наряду с мишарями, в военно-служилое сословие впоследствии были включены тептяри и часть казахов.

Этническая адаптация и этническая интеграция. В своем исследовании, посвященном истории башкирской семьи, А. З. Асфандияров отрицал возможность массового проникновения в башкирские родоплеменные структуры представителей других этнических групп населения. Он, в частности, отметил, что тептярям из татар, мордвы, удмуртов, мариюцев, а также мишарям-припущенникам был наглухо закрыт доступ на башкирские вотчинные земли в качестве их владельцев. Лишь в редчайших случаях их представители могли стать башкирами-вотчинниками. Это происходило тогда, когда кого-то из них усыновляли вотчинники или женили на вдове владельца земли. Пасынок, мать которого выходила замуж за вотчинника, при благоприятном стечении обстоятельств мог получить права своего отчима, но это происходило лишь в исключительных случаях, не систематически.¹³ До настоящего времени данное утверждение не подвергалось сомнению и даже нашло свое отражение в многотомном исследовании по истории башкирского народа.¹⁴ Таким образом, в исторической литературе сложилась концепция невозможности для «инородцев» проникновения в башкирский этнос. В качестве исключения допускался вариант адаптации, когда незначительная часть татар, мишарей, мариюцев и удмуртов становилась башкирами путем усыновления или женитьбы на вдове. Главным препятствием для широкой инкорпорации «инородцев» было башкирское вотчинное право, которое

⁹ Цит. по: Демидова Н. Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII века // Ист. зап. М., 1961. Т. 68. С. 68.

¹⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 138. Л. 349.

¹¹ См.: Порфирьев С. И. Роспись служилым людям по области Казанского дворца на 7146 (1637) год // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. Казань, 1912. Т. 27, вып. 4/5. С. 459.

¹² РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 115. Л. 697.

¹³ См.: Асфандияров А. З. Башкирская семья в прошлом (XVIII — первая половина XIX в.). Уфа, 2007. С. 44.

¹⁴ См.: История башкирского народа. Т. 4. СПб., 2011. С. 344.

предоставляло исключительные земельные права только башкирским родам. Это обстоятельство низводило всех татар, мишарей, марийцев, чувашей и удмуртов в башкирских волостях на социальный уровень, который исключал возможность их инкорпорации в родоплеменную структуру башкир. Красноречивее всего об этом неравенстве писали местные администраторы, которые предполагали использовать переселенцев, недовольных своим униженным положением, для борьбы с восставшими башкирами. В середине XVIII в. оренбургский губернатор Д. В. Волков писал в Сенат: «Каждой же башкирец чувашенина (в данном случае татарина — Б. А.) за самую презрительную и к одной подлой работе рожденную тварь почитает. Да что лучше чуваша и сами охотно тому мнению согласоваться кажутся... и от самых иногда зачем-либо посылаемых башкирцов обиды так терпеливо сносят, как бы тому так и быть надлежало».¹⁵ В 1736 г. В. Н. Татищев укорял тептярей Уфимской провинции в том, что они не доверяют российским властям, в то время как к башкирам, вопреки очевидным фактам, относятся с уважением: «Вы до днесь были у башкирцы как крестьяне у нас, и на них за земли работаете и оброк платите, а они вас ничем не защищают, разве всегда грабили разоряли, и вас за рабов почитали».¹⁶

Вместе с тем в XVII–XVIII вв. башкиры ассимилируют группы калмыков, каракалпаков и казахов. Включение их в башкирскую родоплеменную структуру путем адаптации было невозможно, поскольку речь идет о десятках и сотнях семей, а не об отдельных представителях. Какая модель этнического взаимодействия имела место в подобных ситуациях? Рассмотрим характер включения в башкирский народ так называемых аюкинских калмыков. У башкир и калмыков отсутствовали представления об общей родовой истории, они исповедовали различные и даже враждебные религии и говорили на разных языках. Таким образом, культурные препятствия для инкорпорации калмыков в башкирский народ были гораздо более значительными, чем у татар или мишарей. Что же тогда легло в основу этнического сближения?

Численность аюкинских калмыков, поселившихся среди башкир. Согласно подсчетам

Р. Г. Кузеева, численность аюкинских калмыков, сартов и тарханов, включенных в башкирский этнос, к началу XIX в. составляла 30–40 тысяч человек. К этому времени, по его же оценкам, общее количество башкирского населения не превышало 250–275 тысяч человек.¹⁷ Г. Х. Самигулов пришел к выводу, что данные Р. Г. Кузеева являются, по меньшей мере, некорректными. Челябинский исследователь считает, что необходимо, во-первых, отделить собственно калмыков от сартов, а во-вторых, сопоставить численность калмыков с данными второй половины XVIII в., когда зауральских калмыков насчитывалось не больше тысячи человек. Согласно его изысканиям, численность аюкинских калмыков в конце XVIII — начале XIX в. составляла 500–800 человек.¹⁸

В отношении различия сартов и калмыков следует признать, что их близкое соседство не является случайным. В Уфимском уезде в начале XIX в. существовало несколько волостей и родовых подразделений сартов, в которых были отмечены калмыки. Так, по Сартской волости Стерлитамакского уезда в 1810 г. учтено 6 деревень из калмыков.¹⁹ Под властью Аюки находились не только калмыки, но и тюркские обитатели Казахстана и Средней Азии. В 1684 г. тайша Аюка совершил успешный поход, в результате которого были разгромлены казахи и покорены туркмены Мангышлака. Некоторые из них входили в орду Аюки вплоть до его смерти. В 1734 г. Жаубазар Казбулатов обратился в Правительствующий сенат с прошением от лица 60 дворов «киргизцев», которые «...жили из давних годов под властью владельца калмацкого Аюки хана, по смерть его застали под властью Дондугумбы, и видя мы, нижайшие, неправость и недоброй совести его Дондугумбы, сошед из той орды и пришли к верным подданным рабам вашего императорского величества башкирцом и жительство имеем у оных башкирцов».²⁰ Интересно, что к моменту подачи прошения (сентябрь 1734 г.) эти казахи проживали в башкирских волостях более 5 лет. Они выдали уфимским властям своего особого аманата (заложника), который содержался в Уфе с другими башкирскими

¹⁷ См.: Кузеев Р. Г. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI–XX вв. // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. Т. 3. С. 346.

¹⁸ См.: Самигулов Г. Х. Указ. соч. С. 46.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1886. Л. 81.

²⁰ Там же. Ф. 248 Оп. 15. Д. 821. Л. 358.

¹⁵ См.: Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. М.; Л., 1959. С. 337.

¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 136. Л. 765.

аманатами. Свое прошение казахи аргументировали тем, что многие годы исполняли различные службы вместе с башкирами. В частности, в 1731 г. они совместно участвовали в охране миссии А. И. Тевкелева в казахских степях. В результате Сенат принял решение «обложить их в ясак против башкирцов».

Можно ли вообще установить численность аюкинских калмыков в Зауралье в конце XVII в. на основании данных о количестве вотчинников Калмакской волости конца XVIII — начала XIX в.? Очевидно, что нет. Во-первых, отнюдь не все калмыки Зауралья вошли в образовавшуюся в середине XVIII в. Калмакскую волость. Известно, что еще в 1730-е гг. калмыки входили в родовые подразделения Терсяцкой, Кара-Табынской и Айлинской волостей.²¹ Во-вторых, сами калмыки имели возможность переходить в другие башкирские волости в поисках свободных земель. Так, башкиры деревни Кутлугузиной Юрматынской волости Уфимского уезда подали в 1801 г. в уездный суд жалобу, где утверждали, что истцы — жители деревни Макаровой — не башкиры, а «калмыцкой породы башкирцы», поселившиеся в начале XVIII в. «из платежа оброка» на земле предков башкир-ответчиков.²² В начале XIX в. в одной деревне Новоумерово (Бурзянская волость Оренбургского уезда) насчитывалось 227 душ мужского пола «башкирцев из калмык».²³ В-третьих, Г. Х. Самигулов не учел катастрофических последствий башкирского восстания 1735–1740 гг. В ходе карательных акций потери башкирского населения составили от 12 до 14 %. Всего же погибло, казнено, умерло от голода и отдано в крепостные более 60 тысяч человек.²⁴ Именно в башкирском Зауралье после восстания исчезли отдельные башкирские волости, отмеченные в источниках начала XVIII в. К примеру, Джилаирская волость, пославшая своего представителя в Санкт-Петербург в 1734 г., после восстания не упоминается в документах.²⁵ Вместе с тем сильно обезлюдели не только волости, примкнувшие к восстанию. К примеру, башкиры Каршинской волости не поддержали своих восставших единоплеменников. Тем не менее, и здесь наблюдалась значительная

убыль населения. В 1725 г., согласно сведениям кунгурского бургомистра Юхнева, в ней числилось 700 дворов.²⁶ В середине же XVIII в., по данным П. И. Рычкова, было лишь 77 дворов.²⁷ Таким образом, за 20 лет произошло почти десятикратное падение численности вотчинников Каршинской волости. По этим причинам мы не можем определить количество аюкинских калмыков, обосновавшихся в Зауралье в конце XVII в.: их могло быть как несколько сот, так и несколько тысяч человек.

Происхождение аюкинских калмыков. В сенатской «Ведомости о количестве башкирского и мишарского населения» от 1772 г. особо отмечается, что «колмаки, называемые аюкинскими, ведут наименование от хана Аюка, который прежде кочевал между Уралом и Волгой», и что показанные в данном документе аюкинцы «отошли в Башкирию с 80 лет и приняли закон магометанский со исправлением вообще башкирской службы».²⁸ Чем была вызвана миграция калмыков в Башкирию? С. У. Таймасов полагает, что это произошло в ходе башкирского восстания 1682–1684 гг., когда в начале июля 1682 г. калмыки во главе с тайшой Аюкой вторглись в Уфимский уезд для поддержки восставших башкир. Они осадили Уфу и Мензелинск, подвергли разорению башкирские волости, перешедшие на сторону российских властей. Зимой 1682/1683 г. калмыки провели в Зауралье. С. У. Таймасов считает, что именно тогда часть калмыков решила остаться среди башкир, и именно от них на Сибирской дороге возникла этническая группа «аюкинских калмыков». Таким образом, выходцы из Монголии сыграли известную роль не только в истории башкир, но и в их этногенезе. До сих пор их следы мы находим в топонимике края: сегодня существует несколько башкирских деревень с названием «калмак».²⁹

Тем не менее, в наказе башкир в Уложенную комиссию отмечается, что переселение калмыков в Башкирию произошло не в 80-е, а в 90-е гг. XVII в. К тому же трудно представить ситуацию, чтобы тайша Аюка допустил выход из-под своей власти большой группы калмыков, которых он сам привел в Башкирию. Более убедительно выглядит версия,

²¹ Там же. Л. 361.

²² НА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5696. Л. 32–32об.

²³ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 938. Л. 114об.

²⁴ См.: Кузеев Р. Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 154.

²⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 263.

²⁶ См.: Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. С. 485.

²⁷ См.: Рычков П. И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа, 2002. С. 98.

²⁸ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 931. Л. 101.

²⁹ См.: Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. М., 2009. С. 38.

согласно которой часть будущих башкирских калмыков переселилась в Уфимский уезд в результате недальновидной политики Аюки в конце XVII — начале XVIII вв. Не случайно именно в 1690-е гг. значительно возрос поток беглых калмыков на Дон, Южный Урал и даже в поволжские города. В 1690 г. три зайсанга — Четерь, Батыр и Тайдза — бежали на Дон, приведя с собой около 800 человек, способных носить оружие. Все они были приняты в казачье сословие. Аюка, преследуя бежавших, совершал вооруженные нападения на поселения крещеных калмыков, предавая их огню, а людей уводил в свои улусы.³⁰ Г. Х. Самигулов считает, что зауральские калмыки не уходили большой организованной группой к башкирам, чтобы скрыться от хана Аюки и его политики жесткой централизации власти, а оказывались в Южном Зауралье по разным причинам, в том числе и как пленные.³¹ Не отрицая многообразия причин, обусловивших поселение калмыков в Зауралье, следует отметить, что противоречия внутри правящего дома Аюки все же сыграли свою роль в уходе части калмыков в Башкирию. В 1701 г. в семье Аюки-хана произошла ссора, приведшая всех владельцев к разногласию и к откочевкам. Старший сын Аюки, Чакдорджап, застал отца в кибитке своей жены Тарбаджи. Братья Чакдорджапа, Санжип и Гунделек, рожденные от одной матери, откочевали со своими улусами за Яик. Санжип решил с 15 тысячами кибиток уйти в Джунгарию. Однако правитель Джунгарского ханства Цэван-Рабдан отобрал у него улус, а самого прогнал назад. В. Бакунин писал, что Цэван-Рабтан «Санжипа с семьей человеками отпустил к хану Аюке, который дал ему на пропитание из убогих калмык двести кибиток, и потом он, Санжип, и с женою своею, будучи при Волге, нечаянно и в ночное время сгорел от пороху, бывшего в его кибитке».³² Очевидно, именно эти 200 кибиток «убогих калмык» были перехвачены башкирами осенью 1704 г. Аюка пожаловался уфимскому воеводе Акиму Сенявину на башкир, «забравших в полон переходящих к нему от сына его Санжипа его калмык».³³ Естественно, в своем протесте Аюка не мог допустить

мысли о добровольном переходе санжиповых калмыков к башкирам. Вместе с тем сохранились источники, свидетельствующие о подобных случаях. Башкирский тархан Минской волости Апай Корсаков в молодости был взят в плен башкирами Бурзянской волости, которые передали его в качестве калыма башкиру Минской волости Корсаку Бюлякову. Во время башкирского восстания 1662–1664 гг. Корсак Бюляков со своими сородичами ушел к калмыкам, где Апая встретили его калмыцкие родители. Как пишет в челобитной сам Апай, «...в Калмыках де отец ево родной и родственники ево взяли, били и мучили и стращали, чтоб от них на Уфу в Уфимской уезд не збежал, и он де у отца своего жить в Калмыках не похотел, и вышел на наше Великого Государя имя в город на Уфу».³⁴

У башкир пленные калмыки занимали особое положение.³⁵ Их, как правило, держали в волостях для обмена на плененных калмыками башкир. Ограничение свободы носило временный характер. Судьба военнопленного во многом зависела и от конкретной военной ситуации в крае, и, не в последнюю очередь, от него самого. В ряде случаев уже в первом поколении бывший пленник не только получал отпускную, но и становился тарханом или даже старшиной башкирской волости. Готовность участвовать в пограничной службе вместе с башкирами и воевать в башкирском ополчении являлась залогом быстрой интеграции пленных калмыков.

Ассимилированные калмыки спустя несколько столетий помнили о своем «небашкирском» происхождении. В наказе в Уложенную комиссию башкиры особо указали, что среди них есть башкиры «...названные калмыцкого рода, которые единого с нами магометанского рода состоят, а произошли в древние еще времена от калмыцкого рода, так называются, потому что рода калмыцкого башкирцы».³⁶ Таким образом, у сравнительно большей части башкирского этноса на протяжении долгого времени сохранялось представление о калмыцком происхождении. Вместе с тем, с точки зрения определения этноса, данного С. М. Широкогоровым, признание общего происхождения

³⁰ См.: Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967. С. 267.

³¹ См.: Самигулов Г. Х. Указ. соч. С. 48.

³² Цит. по: Митиров А. Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста, 1998. С. 162.

³³ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 1705. Ч. 8. Л. 3–11.

³⁴ Цит. по: Асфандияров А. З. Башкирские тарханы. Уфа, 2006. С. 146.

³⁵ См.: Азнабаев Б. А. Статус пленных в башкирских общинах XVII в. // Изв. Алтайского гос. ун-та. Сер. История и политология. 2012. № 4/1 (76). С. 12–17.

³⁶ РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Л. 206.

является одним из главных аспектов этнической единицы.³⁷

Основа этнического сближения. Р. Г. Кузев полагал, что культурной основой для ассимиляции аюкинских калмыков башкирами был переход в ислам. Однако данное утверждение противоречит религиозной ситуации в Уфимском уезде в XVII–XVIII вв. По отчетам местных администраторов, многочисленное языческое население Башкирии подвергалось активной исламизации. Так, И. К. Кирилов в 1743 г. в своем докладе о состоянии дел в Уфимской провинции отметил, что «не смотря на бывших воевод набрело жить великое множество горных татар да черемис, чуваш, вотяков, коих магометанские духовные приводят и обрезают в свой закон».³⁸ Тем не менее мы не наблюдаем увеличения башкирских волостей за счет этих мусульман-неофитов.

В качестве основы этнического сближения башкир и калмыков, очевидно, выступала хозяйственная однотипность и военизированная структура этих обществ. Не случайно калмыки, обращаясь к правительству с просьбой включить их в башкирский оклад, обязательно упоминали о том, что «все службы служат вместе с башкирцами». Калмыки-кочевники более других этнических групп были подготовлены к несению совместной военной службы. Не только наличие общих кочевий, но и преобладание в стадах у башкир и калмыков лошадей позволяет отнести оба социума к хозяйственно-культурному типу, который называется «всадническим». Имеется в виду определенное военное преимущество племен верховых номадов над племенами оседлыми.³⁹

Степная война, как правило, выражается в череде набегов с целью захвата людей и скота. В итоге уже к середине XVII в. у башкир и калмыков скопилось огромное количество пленных, многих из которых успели усыновить или выдать замуж. Когда в 1661 г. российское правительство под давлением калмыцких лидеров вознамерилось изъять у башкир этих пленных, башкиры подняли первое восстание против России (1662–1664 гг.). Еще до его начала они в своих коллективных челобитных указывали на то, что у них изымаются не толь-

ко жены, но и дети, прижитые от полонянок.⁴⁰ В 1664 г. правительство заявило калмыкам, что башкирское восстание 1662–1664 гг. было результатом соглашения российского правительства с калмыками: «..уфимские башкиры за то, что у них взят полон и отдан вам, тайшам, Великому государю изменили и будучи в измене учинили русским людям многое разоренье».⁴¹ Таким образом, в определенной мере опыт адаптации пленных калмыков в башкирских родах создал основу для сближения двух этносов на бытовом уровне.

Особо следует отметить то, что при столкновениях башкир и калмыков выработался комплекс правил ведения взаимной степной войны, своего рода воинский этикет кочевников. К примеру, в 1633 г. башкир «Тяхчинской» волости Якшагулов убил «колмацких людей малого, а тот малый был не боец, и их де калмыцкие люди взяли с того башкирца за убитую голову две лошади, да 10 лисиц, да две стрелы, которого тот малого убил, и отвезли те лошади и стрелы и лисицы в колмацкие улусы отцу того малого».⁴² По принятым обеими сторонами правилам войны этот башкир был наказан штрафом за то, что одержал победу над мальчиком, который не являлся равным ему по силе противником. В 1635 г. башкир из деревни Усерган Булат Исенбердеев, находясь с товарищами на охоте на реке Яик, столкнулся с отрядом тайши Чокула. Воспользовавшись численным преимуществом, калмыки отняли у башкир лошадей, однако охотники вынудили калмыков вступить в переговоры. В результате башкиры убедили калмыков возратить лошадей, заявив, что они не «воинские люди», а поэтому не могут быть объектом нападения. При этом обе стороны «шертовали» (договорились) не нападать друг на друга.⁴³ В 1649 г. на шестерых башкир Таныпской волости, приехавших на охоту на реку Яик, напало 100 калмыков. После того как башкиры «сели в осаду в кустах», калмыки вступили с ними в переговоры, в ходе которых обе стороны шертовали, «чтобы их не побить, отпустить их совсем на Уфу». Во всех подобных случаях башкиры и калмыки договаривались, приносили взаимные клятвы и постепенно привыкали с уважением

³⁷ См.: Широкогоров С. М. Избранные работы и материалы. Владивосток, 2001. С. 7.

³⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 1131. Л. 239.

³⁹ См.: Першиц А. И., Семенов Ю. Л., Шнирельман В. А. Война и мир в ранней истории человечества. М., 1994. Т. 2. С. 134.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 164. Л. 26, 28, 31; Д. 167. Л. 254, 256, 262.

⁴¹ См.: Устюгов Н. В. Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Ист. зап. М., 1947. Т. 24. С. 98.

⁴² РГАДА. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1633. Л. 5–9.

⁴³ Там же. Л. 9.

относиться к противнику. Как это часто бывает, давнего врага знают и понимают больше, чем мирного соседа.

Какая же форма этнического взаимодействия имеет место в данном случае? История инкорпорации аюкинских калмыков в этническую структуру башкирского народа отчасти соответствует формуле «патронат — клиентела». Башкиры выступили в роли патронов-покровителей калмыков с обязательством ходатайствовать перед властями об их включении в башкирский ясачный оклад. Взамен калмыки обязались участвовать в военных акциях башкир, что предполагало не только службу государству, но и привлечение их к антиправительственным выступлениям. Последнее становится очевидным потому, что именно в 1690-е гг. башкиры активно готовились к новому восстанию. Не случайно и то, что вопрос о статусе башкир возник только в правление Анны Иоанновны.

Союзники или противники? Г. Х. Самигулов утверждает, что зауральские калмыки в ходе восстания 1735–1740 гг. поддержали власть. Как отмечает сам историк, вероятно, были и «обратные» примеры, но в нашем распоряжении информации о таковых не имеется.⁴⁴ В исследовании Г. Х. Самигулова совершенно справедливо подчеркивается роль Бурана Ягоракова, выступавшего лидером самой крупной группы из вошедших во вновь сформированную общность.⁴⁵ Р. Г. Кузеев на основании шежере Калмакской волости установил, что башкиры-калмаки считали своим родоначальником Бурана Ягарака, который пришел с Иртыша и остался здесь.⁴⁶ Очевидно, что Буран Ягораков и Буран Ягарак — один человек. Г. Х. Самигулов утверждает, что Буран Ягораков вместе с группой семей фактически поддержал правительство в ходе подавления башкирского восстания, однако это не совсем так. Именно калмык Буран 25 июня 1731 г. был послан башкиром Кара-Табынской волости Юсупом Арыковым с письмом к В. Н. Татищеву, в котором были изложены главные причины восстания.⁴⁷ В августе 1736 г. Буран был отправлен к Юсупу Арыкову с ответным посланием.⁴⁸ Напомним, что батыр

Кара-Табынской волости Юсуп Арыков являлся одним из крупнейших предводителей башкирского восстания 1735–1740 гг. Он руководил действиями восставших по Сибирской дороге при взятии ими Верхнеяицкой крепости. Любопытно то, что В. Н. Татищев назвал посланца Бурана «товарищем Бокшурги».⁴⁹ В шестом томе «Материалов по истории Башкортостана», посвященном восстанию 1735–1740 гг., слово «товарищ» встречается 177 раз. Во всех случаях оно используется в значении «соучастник», «помощник» или «подчиненный». Калмык Бокшурга Назаров также являлся одним из руководителей восстания Зауральской Башкирии. Сохранилась запись на тюрки, датированная 1719 г., в которой говорится о том, что отец Бокшурги — калмык Назар, сам Бокшурга, его братья и сестра получили отпускную от башкир Терсяцкой волости.⁵⁰ В 1734 г. Бокшурга Назаров обратился в Сенат с просьбой «написать нас нижайших с братом моим родным в Уфинском уезде в показанной Терсяцкой волости с ясачными башкирцами». В прошении особо отмечено, что отец Бокшурги — «исстари подданной вашего императорского величества волжских калмык, в Уфинский уезд собою пришед или кем послан не упомнит, токмо жил по Уфимскому уезду по Сибирской дороге в Терсяцкой волости у башкирца Арсламбетя Жиямбетева».⁵¹ Уже к началу 1730-х гг. Бокшурга Назаров становится старшиной Терсяцкой волости. К началу восстания у него была своя деревня Бокшургина на Сибирской дороге. Летом 1736 г. он, предводительствуя жителями своей деревни, разгромил русские села по реке Мияс.⁵² В экстракте, составленном из допросов пленных башкир в июне 1736 г., отмечено, «что к воровству большаками Исенгул да Бокшурга».⁵³ 20 октября 1736 г. Бокшурга Назаров был схвачен в своей деревне мещеряками Муслимом Ашировым и Усманом Исеналеевым и передан полковнику А. И. Тевкелеву. В своем рапорте о поимке Бокшурги Тевкелев указал, что эти мещеряки являлись близкими свойственниками старшины Терсяцкой волости.⁵⁴ После поимки основных руководителей восстания в Зауралье выступления по Сибирской дороге пошли на спад. Многие активные участники принесли

⁴⁴ См.: Самигулов Г. Х. Указ. соч. С. 47.

⁴⁵ Там же. С. 48.

⁴⁶ См.: Кузеев Р. Г. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX вв.) / Р. Г. Кузеев, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Т. 1. С. 178.

⁴⁷ См.: Материалы по истории Башкортостана. Уфа, 2002. Т. 6. С. 230.

⁴⁸ Там же. С. 256.

⁴⁹ Там же. С. 192.

⁵⁰ См.: Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. С. 244.

⁵¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821. Л. 361.

⁵² См.: Материалы по истории Башкортостана. Т. 4. С. 329.

⁵³ Там же. С. 184.

⁵⁴ Там же. С. 304.

присягу и начали приводить в крепости штрафных лошадей. 10 января 1737 г. Бокшурга Назаров вместе с 8 руководителями восстания был казнен.⁵⁵ Таким образом, зауральские калмыки все же принимали участие в волнениях 1735–1740 гг.: мы обнаруживаем их не только в окружении крупнейших руководителей восстания Сибирской дороги, но и среди наиболее известных его вождей.

Сравнительно быстрая интеграция аюкинских калмыков в башкирский этнос была обусловлена тем обстоятельством, что калмыки более других этнических групп в крае были подготовлены к включению в структуру военной организации башкир. Речь идет не только о характерном для башкир и калмыков всадническом типе культуры, но и об общих принципах ведения войны, выработанных за почти столетнюю историю взаимного противостояния. Специфика процесса интеграции заключалась в том, что калмыки, как бывшие

пленные, так и добровольно перешедшие к башкирам, сформировали отдельную волость, которая занимала абсолютно равное положение в отношении к другим башкирским волостям. Вплоть до создания кантонной системы в конце XVIII в. в башкирском обществе господствовали горизонтальные связи, которые не позволяли иерархическим структурам, возникшим в военное время, приобрести постоянный институциональный характер. Служилые татары и мещеряки, будучи представителями оседлой земледельческой культуры, уже в самом начале своего появления в Уфимском уезде встраиваются в систему российского военного управления. Им, в отличие от башкир, уфимскими властями определяются помещные оклады, их включают в городские десятины. Даже пожалование вотчинных прав некоторой части мишарей за участие в подавлении восстания 1735–1740 гг. не привело к этническому сближению их с башкирами.

Bulat A. Aznabaev

Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Language and Literature, Ufa Science Centre of the RAS (Russia, Ufa)

E-mail: azbulattt@rambler.ru

FORMATION OF THE 'KOLMAK' TRIBAL COMMUNITY WITHIN
THE BASHKIR ETHNIC GROUP

Extension of the discourse approach developed by M. Foucault to the nomadic studies has recently nudged the academic interest in the social structure of the Eurasian nomads. The most challenging attempt at the deconstruction of the existing academic representation of steppe societies was made by D. Sneath in his book "The Headless State". According to him the understanding of nomadic societies required getting back to the feudal society discourse, meaning any type of a hierarchic society organization. The author of this article challenges the D. Sneath's thesis according to which the hierarchy was inherently present in all steppe societies of Eurasia. Thus the Bashkir society of the 17th – 18th centuries was an egalitarian, kin-based society. This was most apparent in the pattern of integration of other ethnic groups of the region into the Bashkir society. Contrary to the established historiographic belief that the foreigners' incorporation in society occurred solely by means of adoption, the author argues that the representatives of other ethnic groups could form their own independent kinship-based communities. One of the largest formations of this type was the Bashkir 'Kolmak' tribe. The cultural and political rapprochement between the Bashkirs and the Kalmyks was in part a result of a lengthy, almost century long military confrontation, in the course of which a set of commonly shared rules of war was developed. The history of the Auki Kalmyk integration into the ethnic structure of the Bashkir people followed the 'patronage-clientele' pattern. However, unlike the classical patronage relations the integrated part of the Kalmyks acquired an equal legal status with the ethnic Bashkirs.

Keywords: *Bashkirs XVII – beginning of XVIII century, the Kalmyks, the tribal structure, social hierarchy, nomadic feudalism, patronage*

REFERENCES

Akhmetzyanov M. I. [Nogai Horde: a historical heritage of the Tatar people]. *Tsivilizovannyye, etnokulturnyye i politicheskiye aspekty edinstva tatarskoy natsii* [Civilized, ethno-cultural and political aspects of the unity of the Tatar nation]. Kazan: Fen Publ., 2002, pp. 208–213. (in Russ.).

⁵⁵ Там же. С. 344.

- Asfandiyarov A. Z. *Bashkirskaya semya v proshlom (XVIII — pervaya polovina XIX v.)* [Bashkir family in the past (18 — the first half of the 19th century.)]. Ufa: Kitap Publ., 2007, 104 p. (in Russ.).
- Asfandiyarov A. Z. *Bashkirskie tarkhany* [Bashkir Tarkhans]. Ufa: Kitap Publ., 2006, 160 p. (in Russ.).
- Aznabaev B. A. [Prisoner's status in the Bashkir communities at the 17th century]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya i politologiya* [Izvestiya of Altai State University. Historical Sciences and Archeology], 2012, no 4/1(76), pp. 12–17. (in Russ.).
- Demidova N. F. [Management of Bashkiria and the obligation of the population of the Ufa province in the first third of the 18th century]. *Istoricheskie zapiski* (Historical notes). Moscow: Izdatelstvo AN SSSR Publ., 1961, vol. 68, pp. 211–237. (in Russ.).
- Ermolaev I. P. *Srednee Povolzhe v vtoroy poloviny XVI–XVII v. (Upravlenie Kazanskim kraem)* [The Middle Volga region in the second half of the 16th–17th centuries (Management of the Kazan Krai)]. Kazan: Kazanskiy universitet Publ., 1982, 224 p. (in Russ.).
- Istoriya bashkirskogo naroda* [History of the Bashkir people]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2011, vol. 4, 400 p. (in Russ.).
- Kradin N. N. Skrynnikova T. D. “Stateless head”. Notes of revisionism in the studies of Nomadic Societies. *Ab imperio*, 2009, no 4, pp. 117–128. (in English).
- Kuzeev R. G. [The number of Bashkirs and some ethnic processes in Bashkiria in the 16th–20th centuries]. *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archaeology and ethnography of Bashkortostan]. Ufa: BFAN Publ., 1968, vol. 3, pp. 327–370. (in Russ.).
- Kuzeev R. G. *Istoricheskaya etnografiya bashkirskogo naroda* [Historical ethnography of the Bashkir people]. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe Izdatelstvo Publ., 1978, 263 p. (in Russ.).
- Kuzeev R. G., Bikbulatov N. V., Shitova S. N. [Trans-Ural Bashkirs (ethnographic essay on life and culture of the late 19th — early 20th centuries)]. *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii* [Archaeology and ethnography of Bashkortostan]. Ufa: BFAN SSSR Publ., 1962, vol. 1, pp. 202–210. (in Russ.).
- Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR* [Materials on the history of the Bashkir ASSR]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1959, vol. 3, 691 p. (in Russ.).
- Materialy po istorii Bashkortostatana. Orenburgskaya ekspeditsiya i bashkirskie vosstaniya 30-kh godov XVIII v.* [Materials on the history of Bashkortostan. The Orenburg expedition and the Bashkir uprisings of the 1730s.]. Ufa: Kitap Publ., 2002, vol. 4, 768 p. (in Russ.).
- Mitirov A. G. *Oyraty-kalmyki: veka i pokoleniya* [Oirats-Kalmyks: centuries and generations]. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1998, 384 p. (in Russ.).
- Ocherki istorii Kalmytskoy ASSR. Dooktyabrskiy period* [Essays on the history of the Kalmyk ASSR. The pre-October period]. Moscow: Nauka Publ., 1967, 479 p. (in Russ.).
- Pershits A. I., Semenov Yu. L., Shnirelman V. A. *Voyna i mir v ranney istorii chelovechestva* [War and peace in the early history of humanity]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN Publ., 1994, vol. 2, 245 p. (in Russ.).
- Rychkov P. I. *Istoriya Orenburgskaya po uchrezhdenii Orenburgskoy gubernii* [Orenburg history on the establishment of Orenburg province]. Ufa: TsEI UNTs RAN Publ., 2002, 201 p. (in Russ.).
- Samigulov G. Kh. [Ayukinsky Kalmyks: on history of the ethnic group]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Chelyabinsk State University. History], 2015, no 14 (369), iss. 64, pp. 45–50. (in Russ.).
- Shirokogorov S. M. *Izbrannye raboty i materialy* [Selected works and materials]. Vladivostok: DGU Publ., 2001, vol. 1, 99 p. (in Russ.).
- Sneath D. *The Headless State, Aristocratic Orders, Kinship Society and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia*. New York: Columbia University Press, 2009. 228 p. (in English).
- Taymasov S. U. *Bashkirsko-kazakhskie otnosheniya v XVIII v.* [Bashkir-Kazakh relations in the 18th century]. Moscow: Nauka Publ., 2009. 317 p. (in Russ.).
- Tikhomirov M. N., Epifanov P. P. *Sobornoe ulozhenie 1649 goda* [Cathedral Code of 1649]. Moscow: MGU Publ., 1961. 444 p. (in Russ.).
- Ustyugov N. V. [The Bashkir uprising of 1662–1664]. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes], 1947, Vol. 24, pp. 112–176. (in Russ.).